

Е. Сахарова

«Вишневый сад». Примечания к тексту

Со своим новым замыслом Чехов начал знакомить корреспондентов с весны 1901 года, причем в воображении автора новая пьеса должна быть «непреренно смешная, очень смешная». В творческом воображении автора рисовались отдельные детали: «Ветка цветущих вишен, влезавшая из сада прямо в комнату через раскрытое окно», «Хозяин имения (или хозяйка), постоянно обращающийся за деньгами к лакею (или управляющему), который накопил большую сумму».

Сама тема пьесы — продажа имения с молотка, разорение, утрата дома, который переходит к новому владельцу, — проходит через все творчество Чехова, начиная с ранней пьесы «Безотцовщина». Многие жизненные впечатления и наблюдения преломились в последней чеховской пьесе. Здесь и память о продаже родного дома в Таганроге, бегстве отца, спасающегося от долговой ямы, жизнь в чужом углу самого Чехова-гимназиста. Здесь и преобразованная творческим воображением писателя судьба владельцев имения Бабкино под Москвой А. С. и М. В. Киселевых, где Чеховы жили на даче в 1884–1886 гг. Поэзия умирающих дворянских усадеб, возможно, навеяна также и запущенными усадьбами в Харьковской губернии, где Чехов летом 1888 и 1889 гг. жил в имении Линтваревых близ Сум. М.П. Чехов считал, что в Фирсе есть общие черты с лакеем Линтваревых, а в Епиходове — с другом чеховской семьи А.И. Иваненко. В Гаеве много общего с А.С. Киселевым (в его письмах к Чехову идет речь о постоянных поисках денег для уплаты процентов, о надежде на помощь пензенской — в пьесе ярославской — тетушки, о проекте продажи земли под дачные участки и т. д.). После продажи Бабкина Киселев становится «банковским служакой» в Калуге. В пьесе отразились впечатления от пребывания Чехова в имении К.С. Станиславского Любимовка (например, в Шарлотте находили черты гувернантки соседней Станиславских).

Работа над последней пьесой шла медленно, временами — мучительно: писатель постоянно чувствовал недомогание, страдал от бытовых неурядиц: утомлялся от бесконечных посетителей. Но, преодолевая болезнь, стремился написать «бодрую пьесу».

В письмах Чехова режиссерам и исполнителям отдельных ролей содержался ряд глубоких и точных замечаний о жанре пьесы, характеристика ее персонажей. Сообщая о том, что он «обстановочную часть в пьесе... свел до минимума, декораций никаких особенных не потребуется», Чехов особое внимание обратил на так трудно давшийся ему второй акт: «Только во втором акте вы дадите мне настоящее зеленое поле и дорогу и необычайную для сцены даль», — писал он Вл.И. Немировичу-Данченко 22 августа 1903 года. 5 ноября 1903 года в письме к Станиславскому автор отмечал:

«Дом должен быть большой, солидный; деревянный <...> или каменный, это все равно. Он очень стар и велик, дачники таких домов не нанимают; такие дома обыкновенно ломают, и материал пускают на постройку дач. Мебель старинная, стильная, солидная; разорение и задолженность не коснулись обстановки».

О Раневской Чехов писал О.Л. Книппер 14 октября 1903 г.: «Умна, очень добра, рассеяна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице»; и ей же 25 октября 1903 года: «Угломнить такую женщину может только одна смерть». Большое значение придавал автор Лопихину, называя эту роль «центральной». «Лопихина надо играть не крикуну, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек» (О. Л. Книппер, 30 октября 1903 г.). К.С. Станиславскому Чехов писал в тот же день:

«Лопихин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов...»

Характер Ани раскрывался Чеховым в одном из писем к О.Л. Книппер: «Аня прежде всего ребенок, веселый до конца, не знающий жизни и ни разу не плачущий, кроме II акта, где у нее только слезы на глазах». Говоря о Трофимове и отвечая на упреки в некоторой недоделанности этой роли, Чехов писал О.Л. Книппер 19 октября 1903 года:

«Меня главным образом пугала малоподвижность второго акта и недоделанность некоторая студента Трофимова. Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?»

К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко высоко оценили «Вишневый сад», считая его самой совершенной чеховской пьесой. Но в понимании жанра автор и театр разошлись во мнениях. Чехов продолжал настаивать, что написал комедию, театр же прочел пьесу как драму. Описывая чтение пьесы в труппе, Станиславский признавался в письме к Чехову:

«Я плакал, как женщина, хотел, но не мог сдержаться. Слышу, как Вы говорите: “Позвольте, да ведь это же фарс”. Нет, для простого человека это трагедия».

В театре понимали, что к исполнению пьесы надо искать новый ключ. Тонкое наблюдение принадлежит М.П. Лилиной:

«...Мне представилось, что “Вишневый сад” не пьеса, а музыкальное произведение, симфония. И играть эту пьесу надо особенно правдиво, но без реальных грубостей».

17 января, в день рождения писателя, на премьере «Вишневого сада» состоялось неожиданно для Чехова его чествование в связи с 25-летием литературной деятельности; среди зрителей находились Горький, Брюсов, Андрей Белый, Рахманинов, Шаляпин.

Спектакль первоначально не удовлетворил Чехова, он был недоволен тем, что на афишах его пьеса «упорно называется драмой», не одобрил писатель декорацию второго акта, исполнение отдельных ролей. Однако с каждым разом спектакль шел все лучше и лучше, а во время гастрольной поездки в Петербург «Вишневый сад» получил восторженное признание публики и критики. Многие драматические театры спешили ввести в свой репертуар новую чеховскую пьесу. Чехов писал О.Л. Книппер:

«А “Вишневый сад” дается во всех городах по три, по четыре раза, имеет успех, можешь себе представить».

В.Э. Мейерхольд, получив разрешение Чехова, поставил «Вишневый сад» в Херсоне, о чем сообщил автору 8 мая 1904 года: «Вашу пьесу “Вишневый сад” играем хорошо». И далее:

«Ваша пьеса абстрактна, как симфония Чайковского. И режиссер должен уловить ее слухом прежде всего. В третьем акте на фоне глупого “топотанья” — вот это «топотанье» нужно услышать — незаметно для людей входит Ужас».

Называя Чехова художником «несравнимым» в своем «великом творчестве», Мейерхольд заключает: «...в драме Западу придется учиться у вас».

Наиболее чуткие первые читатели и зрители увидели в пьесе глубокую и верную картину состояния русского общества начала XX века, ощущали в ней аромат «подлинности». Куприн писал Чехову в мае 1904 года:

«Был я недавно на Волхове в одном запущенном старом дворянском гнезде. Хозяева разоряются и сами над собой подтрунивают: у нас “Вишневый сад»!»

Широкие демократические слои увидели в пьесе призыв к строительству новой жизни. Казанский студент Виктор Барановский после спектакля в Казанском драматическом театре писал Чехову:

«Знаете, как только я увидел этого “вечного” студента, услышал его первые речи, его страстный, смелый, бодрый и уверенный призыв к жизни, к этой живой, новой жизни, не к мертвой,

все разлагающей и уничтожающей, призыв к деятельной, энергичной и кипучей работе, к отважной, неустрашимой борьбе, — и дальше до самого конца пьесы, — я не могу передать Вам этого на словах, но я испытал такое наслаждение, такое счастье, такое неизъяснимое, неисчерпаемое блаженство!»

Однако высказывалось также мнение, что «Вишневый сад» близок прежним произведениям Чехова, проникнутым тоской, и недостаточно передает дух времени — кануна революции 1905 года. Смысл пьесы Чехова, всего его творчества раскрылся для его современников не сразу. Позже Станиславский утверждал, что Чехов «один из первых почувствовал неизбежность революции... один из первых дал тревожный звонок».

Пьеса до революции и в советский период шла во многих театрах. Среди создательниц образа Раневской были такие замечательные советские актрисы, как О. Андровская, М. Бабанова, Л. Добржанская, А. Фрейндлих, Р. Нифонтова и др. Образ Лопахина, передавший всю гамму внутренних противоречий этого персонажа, был создан Б. Добрнравовым. Наиболее интересные режиссерские интерпретации принадлежат в советские годы М. Кнебель, А. Эфросу, Г. Волчек, И. Ильинскому, В. Плучеку.

Известна телевизионная постановка «Вишневого сада» (1976, режиссер Л. Хейфиц).

С начала XX века «Вишневый сад» идет на многих театральных сценах мира, самые крупные режиссеры и актеры обращались к этой пьесе, находя в ней нужное, важное своему народу. Французский режиссер Ж.-Л. Барро утверждал:

«Я считаю “Вишневый сад” шедевром Чехова. Среди четырех больших пьес, написанных им для театра, “Вишневый сад” легче всего поддается обобщению <...> Это пьеса о времени, которое проходит. И поэтому не все ли равно, русский или японский у нее сюжет. Это интернациональное произведение. Вот почему наравне с произведениями Шекспира и Мольера оно входит в мировую сокровищницу искусства».

Б. Шоу заметил, что имя Чехова в «плеяде великих европейских драматургов» «сияет, как звезда первой величины»:

«Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматическими решениями темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом. Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее “Дом, где разбиваются сердца. Фантазия в русской манере на английские темы”».

Английский драматург Д.-Б. Пристли писал:

«В особенности меня поразил его шедевр «Вишневый сад» <...>. Меня очаровала новая тонкая техника, разнообразие настроений, яркая всесторонняя характеристика действующих лиц, естественное ритмичное течение действия, юмор и пафос, нежность и поэтичность <...>. Своим магическим даром Чехов освободил современного драматурга от цепей старых условностей. Более того, он принес в театр свое великое предвидение, горячую надежду на человечество, глубокое, неиссякаемое чувство сострадания».

Среди зарубежных деятелей театра, обратившихся к «Вишневому саду», — итальянские режиссеры Лукино Висконти и Дж. Стрелер, английский режиссер Питер Брук.